

ОТДЕЛ IV. РЕЦЕНЗИИ, БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

УДК 801.731 (82.091)

DOI: 10.31802/2500-1450/2018-30-3-333-360

Рецензия на: Степанян К. А. Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени. М.: Глобал Ком, Языки славянской культуры, 2016 (Studia philologica). 296 с. ISBN 978-5-94457-273-8

БАХТИН АНТИ ДОСТОЕВСКИЙ

Новая книга К. А. Степаняна привлекает внимание уже самим заглавием — «Шекспир, Бахтин и Достоевский»¹. Нарушение хронологии в расположении имен (Достоевский после Бахтина) у такого маститого ученого не может быть случайным. И действительно, при знакомстве с книгой становится ясно, что путь к своей главной цели — пониманию тайны творчества Достоевского — Степанян проложил через творчество Шекспира и Бахтина. Казалось бы, этот путь весьма «утрамбован» предшественниками исследователя, но ему удается сделать много тонких и точных наблюдений.

Автор ведет непростой разговор со своими собеседниками, но если он в целом понимает Шекспира, соглашается с Достоевским, то с Бахтиным он спорит. Ядром спора становится глава третья «Достоевский Бахтин. Совместим ли “реализм в высшем смысле” с полифонией?». Степанян раскрывает проблему, обозначенную в подзаголовке: «Со времени выхода “Проблем поэтики Достоевского”, когда идеи Бахтина, что называется, пошли в народ, прошло больше полувека. С тех пор появилось немало веских и аргументированных возражений, опровергающих многие ключевые положения (курсив наш. — О. С.) этой работы:

¹ Степанян 2016. С. 296.

статьи Аверинцева, Лихачева и ряд других, вошедших впоследствии в двухтомник “Бахтин: *pro et contra*”; статьи моих коллег В. Ветловской, В. Захарова, К. Эмерсон и др. Да и после выхода в 1929 г. “Проблем творчества Достоевского”, первого варианта этого труда, серьезных возражений хватало, назовем прежде всего статью В. Комаровича. Но влияние, известность и популярность бахтинских идей продолжают оставаться гораздо большими, чем эти возражения. В чем тут дело?»²

И Степанян отвечает на этот вопрос: «На наш взгляд, помимо высокого профессионального уровня его работ, — в обаянии самой личности Бахтина, его мученической судьбы, того эффекта, которое вызвали в свое время в нашем литературоведении его книги о Достоевском и Рабле (и волны которого докатываются и до нас), в притягательности слова “свобода”, которое он, наверное, впервые и навечно связал с Достоевским»³. Для подтверждения своей позиции Степанян приводит мнение ряда исследователей (В. Н. Турбина, Ю. Г. Кудрявцева, М. К. Рыклина, В. Л. Махлина и др.)⁴, утверждающих, что концепция Бахтина родилась в ответ на идеологическое давление тоталитарной советской системы: «Говоря о Бахтине как о личности <...> надо помнить одно обстоятельство: это был человек, большей части сознательной жизни которого сопутствовали <...> голод и боль <...> Концепция карнавала <...> отвечала на голос событий, которые разворачивались буквально под окнами Бахтина, на улице <...> Разрушение, голод, болезни — это негатив карнавала <...> И в этих условиях, когда прямо против такой азиатчины выступить было нельзя, Бахтин на материале Достоевского, произвольно им истолкованном (курсив наш. — О. С.), выступал в защиту многоголосия, полифонического мышления»⁵ и т. д.

² Степанян 2016. С. 123–124.

³ Там же. С. 124.

⁴ Цитаты, приводимые автором, даются с указанием номера страницы, на которой они расположены, без обращения к первоисточнику. Все выделения в цитатах, кроме особо оговоренных, принадлежат автору книги.

⁵ Степанян 2016. С. 150.

Полагаем, Степанян чувствовал односторонность подобной аргументации и потому обратился к наблюдению С. Г. Бочарова над видимой антиномичностью идей Бахтина: «Как ни стараются за него бахтинисты свести концы с концами, противоречия между “Автором и героем” и “Достоевским” и между последним и “Рабле” не случайно бросаются нам в глаза и должны быть признаны самой глубокой характеристикой творчества Бахтина. Он создал *свой* полифонический роман (курсив наш. — О. С.), и “не нужно превращать его в эпос” (М. Л. Гаспаров) <...> “Ядро” его не уловимо в наши интерпретационные сети»⁶. В «наши», то есть имевшиеся на тот момент в распоряжении Бочарова «сети», идеи Бахтина действительно не «уловимы», как и идеи «религиозных филологов», против которых он по-донкихотски выступит через пять лет⁷.

В поисках ответа на главный вопрос Степанян обращается к основным положениям концепции Бахтина, представленной в его работах «Проблемы творчества Достоевского» и «Проблемы поэтики Достоевского». По существу, это две редакции одного и того же текста, обладающего содержательным и стилевым единством, основу которого образует императивная модальность, не допускающая никаких иных мнений, кроме авторского. Уверенность Бахтина в своей правоте, талантливо воплощенная в слове, особым образом интонационно и ритмически организованном, действует на читателя завораживающе и делает незаметными многие нелепости и неточности, а иногда и явные ошибки. Однако Степаняну удастся преодолеть морок бахтинского слова, что выражается во множестве замечаний-вопросов. Например: при анализе романа «Идиот» Бахтин «как ни странно, не разграничивал юродство и шутовство»; «Бахтин как бы не учитывает...»; «Удивительно, но Бахтин в “Проблемах творчества Достоевского” пишет...»; «При этом в “Проблемах поэтики...”», где так много место уделено, к примеру, “Преступлению и наказанию”...»⁸ и т. д. и т. п.

⁶ Степанян 2016. С. 162.

⁷ См.: Бочаров 2001. С. 483–499.

⁸ Степанян 2016. С. 125, 128, 138, 158.

Каждый такой вопрос — указание на конкретный факт, устанавливающий несоответствие идей Бахтина содержанию творчества Достоевского. Например, Степанян приводит наблюдения К. Эмерсон в статье с характерным названием «Чего Бахтин не смог прочесть у Достоевского»: «Большинство из того, что оказалось за пределами его логоцентричного прочтения, объясняется слепотой Бахтина к специфике образа: существованию образа в пространстве, его стремлению к совершенству формы, его безразличию к диалогу, его способности мгновенного преобразования <...> Обращения же, переживаемые вследствие уединенного созерцания образа, — то есть *духовные акты, не требующие слов и необратимые*, — обычные явления у Достоевского, однако Бахтин обнаруживает себя невнимательным читателем подобных немых, экстатических моментов»⁹ (курсив наш. — О. С.). При этом, пишет Степанян, философ «понимал, что если прочитывать Достоевского в русле его концепции, то созданный писателем мир “может представляться хаосом”»¹⁰. Более того, в конечном итоге «Бахтин признает, что полифония — это проведение одной и той же темы по разным голосам, но какова эта тема — не определяет. И это, конечно, не случайно»¹¹. По мнению исследователя, «отказ Бахтина от “метафизики”, от рассмотрения “содержательной глубины” <...> произведений Достоевского <...> был вызван не только стремлением остаться в сфере “чистой поэтики” и не только цензурными соображениями. Позволим себе предположить, что на работы Бахтина о Достоевском наложили отпечаток перипетии личной судьбы и особенности мировоззрения ученого»¹².

Это безусловно так. Мировоззрение ученого, складывающееся в результате событий его личной судьбы, неизбежно влияет и на процесс исследования, и на его результат. Говоря об этом, Степанян делает важ-

⁹ Степанян 2016. С. 139.

¹⁰ Там же. С. 145.

¹¹ Там же. С. 134.

¹² Там же. С. 148–149.

ное наблюдение: «Сам Бахтин, как представляется, — и как становится сейчас ясно в результате выхода собрания сочинений¹³, — был более философом или антропологом, нежели литературоведом (хотя, конечно, и литературоведом блестящим); он и сам определял область своих занятий “как философскую антропологию”»¹⁴. Причем эта антропология имеет совершенно конкретную направленность. Как указывает исследователь, еще в самом начале своей деятельности Бахтин поставил перед собой задачу создания нравственной философии, то есть этики, поэтому важнейшей функцией формы он считал «объединение познавательного с этическим»¹⁵.

Рассматривая основные категории бахтинской концепции (диалог, карнавал и смех), Степанян замечает, что философ понимал диалог «либо лишь формально, как структурообразующий принцип и не более, либо как единственно возможное проявление личностной свободы человека»¹⁶. Рассуждения Бахтина о диалоге, пишет исследователь, полны противоречий: «Отличие автора от персонажей в мире Достоевского заключается не только и не столько в том, что автор “организует диалог”, как считает

¹³ Речь идет об издании: Бахтин 1996—2012.

¹⁴ Степанян 2016. С. 124.

¹⁵ Там же. С. 165.

Заметим, что нечто подобное, хотя и в более амбициозном масштабе, видел перед собой в качестве возжеланной цели и Лев Толстой — и тоже в самом начале своего поприща: «Вчера разговор о Божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле. Привести эту мысль в исполнение, я понимаю, что могут только поколения, сознательно работающие к этой цели. Одно поколение будет завещать эту мысль следующему, и когда-нибудь фанатизм или разум приведут ее к исполнению. Действовать сознательно к соединению людей с религией, вот основная мысль, которая, надеюсь, увлечет меня» (Толстой 1965. Т. 19. С. 150).

¹⁶ Степанян 2016. С. 152.

Бахтин, но в том, что автор в своей “модели мира” <...> *показывает*, по каким законам устроено мироздание (для тех, кто способен увидеть, конечно), а многие из его персонажей только *рассуждают* об этом»¹⁷. При этом «герои Достоевского спорят о Божественной весте, о содержании этой весте не только — и даже не столько — друг с другом, сколько с Самим Богом»¹⁸.

Не меньше противоречий и в рассуждениях Бахтина о карнавале. Степанян обращается к мысли С. С. Хоружего, согласно которой «чем дальше, тем больше “карнавал” выступает у Бахтина как некая безбрежная стихия, вобравшая в себя и в жизни, и в литературе все положительные ценности, все радостное, свободное и сближающее людей <...> возникает утопия, построенная на гипертрофии и абсолютизации карнавального начала»¹⁹. При этом, пишет К. Эмерсон, «карнавал является для Бахтина главным образом некоей духовной категорией, состоянием ума. Это не описание исторически реального мира (даже в праздничном его состоянии) и не изображение вымышленного мира, создаваемого артистическими средствами. Карнавал был дорог Бахтину потому, что означал освобождение от страха, поскольку был исполнен смеха и потому способен преодолевать муки, голод и мысли о смерти»²⁰.

В результате, говорит Степанян, весь мир оказывается для Бахтина одним бесконечным карнавалом, который «ничего не абсолютизирует, а провозглашает веселую относительность всего»²¹. Всего: жизни и смерти, добра и зла, Бога и дьявола. Философ наделяет карнавал правом аннулировать ценность любого явления или предмета бытия, даже Евангелия²², и щедро делится этим видением мира с Достоевским, заявляя в подгото-

¹⁷ Степанян 2016. С. 139.

¹⁸ Там же. С. 133.

¹⁹ Там же. С. 177–178.

²⁰ Там же. С. 178.

²¹ Там же. С. 132.

²² Там же. С. 185.

вительных материалах к «Проблемам поэтики...», что «Достоевскому было присуще “глубокое, но подспудное сознание *относительности* сосуществующих спорящих правд эпохи, мы бы сказали — карнавальное сознание, но без карнавального смеха” <...> и указывает на отсутствие у писателя окончательного решения основных идеологических проблем»²³ (курсив наш. — О. С.). Между тем известно, что ко времени создания великого пятикнижия все «основные идеологические проблемы» Достоевским были уже решены, о чем свидетельствует, в частности, его письмо Н. Д. Фонвизиной от конца февраля 1854 г.

Говоря о такой бахтинской категории, как смех, Степанян обращается к мысли С. С. Аверинцева об опасной «стихийности» смеха, при которой «человек, отдавшийся стихии смеха, часто оказывается уже несвободен и не способен среагировать на “незаметную подмену предметов смеха”». Но, главное, смех очевидно амбивалентен: он может служить и добру — в случае, если это смех человека над своими пороками, но может быть и орудием и средством зла — если служит надругательству и насилию над добром (осмеяние распятого Христа), моральному уничтожению несогласных, выражению превосходства смеющегося над “слабыми” людьми»²⁴. Исследователь делает справедливый вывод: «Бахтин как бы не учитывает, что смеяться может не только народ, но и *духи злобы поднебесные* (Еф. 6, 12)»²⁵. Заметим, что Бахтин «не учитывает» и вопрос самого Достоевского, заданный им через старика Карамазова:

- ...Кто же это так смеется над человеком? Иван? В последний раз и решительно: есть Бог или нет? Я в последний раз!
- И в последний раз нет.
- Кто же смеется над людьми, Иван?
- Черт, должно быть, — усмехнулся Иван Федорович.

²³ Степанян 2016. С. 132.

²⁴ Там же. С. 126.

²⁵ Там же. С. 128.

— А черт есть?

— Нет, и черта нет.

— Жаль. Черт возьми, что б я после того сделал с тем, кто первый выдумал Бога! Повесить его мало на горькой осине²⁶.

Допустить, что Бахтин не помнил этой важнейшей сцены, невозможно. Ведь вспомнил же он о другой картине, созданной Достоевским за двадцать лет до «Братьев Карамазовых»²⁷: «И стал я разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. Все это были странные, чудные фигуры <...> Кто-то гримасничал передо мною, спрятавшись за всю эту фантастическую толпу, и передергивал какие-то нитки, пружинки, и куколки эти двигались, а он хохотал и все хохотал!.. И если б собрать всю ту толпу, которая тогда мне приснилась, то вышел бы славный маскарад...»²⁸.

Однако, пишет Степанян, «нам же хочется спросить: почему Бахтин решил, что таинственный “кто-то”, кто “хохотал и все хохотал”, спрятавшись за всей привидевшейся молодому писателю толпой, есть всего лишь паяц? Равным образом и смех, звучащий во сне Раскольникову, когда он вновь пытается и все никак не может убить старуху-процентщицу, смех сначала самой старухи, а потом звучащий из соседней темной комнаты, Бахтин почему-то считает “развенчивающим всенародным осмеянием на площади карнавного короля-самозванца”»²⁹. Исследователь замечает, что хотя «многие признаки карнавала, выявленные Бахтиным, в творчестве Достоевского несомненно присутствуют (и в редуцированном, как пишет Бахтин, и в нередуцированном виде), служат они совсем не тем целям, что во время карнавного действия, а, напротив, выражению фантомности и абсурдности уединенного человеческого бытия в мире

²⁶ Достоевский 1972—1990. Т. 14. С. 124.

²⁷ См.: Достоевский 1861.

²⁸ Достоевский 1972—1990. Т. 19. С. 71.

²⁹ Степанян 2016. С. 129.

и свидетельствуют о том или ином *локальном* торжестве сил зла»³⁰. В этой связи автор вспоминает выражение «"ад всесмешливый" — слова из канона, читаемого в церкви в Великую Пятницу, когда верующие переживают казнь Христа (в тот день Распятия аду действительно могло показаться, что победил навсегда)»³¹.

Православие учит, что зло неонтологично, оно не имеет своего бытия, а появляется в мире всякий раз, когда человек употребляет свободную волю не на служение Богу, а на удовлетворение собственных похотей. В результате такой человек всегда порождает зло³², о чем и говорит Евангелие: «Из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любоддеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления»³³. Не являясь источником зла, сатана делает все, чтобы разжечь его в сердце человека. И если человек не старается очистить свою душу от греховной скверны, дух зла превращает ее в подполье безблагодатного бытия, наполненного темными страстями и гадкими страстишками.

Степанян обращается к мысли американского исследователя Д. Куонджича о том, что в концепции Бахтина «мы имеем дело с критикой *логоцентризма*: смех — это действие, расщепляющее, удваивающее, высмеивающее и деконструирующее присутствие логоса; *отодвигая слово от уст автора, разоблачая логос как обман*, основанный на воле к власти, смех лишает монологического автора контроля над своим языком и его источником»³⁴ (полуужирный курсив наш. — О. С.). Полагаем, вместо слова «смех» здесь следует поставить имя того, кто дал ему такую власть. На страницах своей книги Бахтин множество раз заклинательно повторяет мысль о том, что литературное произведение возникает почти само собой

³⁰ Степанян 2016. С. 125.

³¹ Там же. С. 129.

³² Эту мысль Достоевский выразил в приведенном выше разговоре отца и сына Карамазовых.

³³ Мф. 15, 19.

³⁴ Степанян 2016. С. 126–127.

без творящей воли писателя, что слово каким-то образом отчуждается от автора и существует само по себе, находясь в бесконечном диалоге с голосами персонажей. Более того, замечает Степанян, в конце жизни, «реагируя на критику своей концепции полифонизма, Бахтин в записях 1970-х гг. пишет уже не о равноправном диалоге авторского голоса с голосами персонажей, а о принципиальном *отсутствии* у автора-художника “собственного слова”: автор обязан выйти из диалога, облечься в молчание, находиться по касательной к изображаемому миру»³⁵. Заметим, что когда Бахтин говорит об «авторе», он имеет в виду прежде всего Достоевского.

В приведенной цитате Кюнджича слово «слово» написано со строчной буквы, следовательно, речь идет о лексической единице. Однако эта фраза содержит и иной смысл, при котором, по словам Степаняна, «смех может иметь и более опасные последствия»³⁶, поскольку речь идет об отторжении писателя не только от его собственного слова, но и от Бога Слова, второго Лица Божественной Троицы. И здесь особое значение получает мысль исследователя о том, что «в статье Д. Кюнджича прослеживается <...> связь между бахтинской концепцией романов Достоевского с некоторыми положениями теории Ницше»³⁷. Вспомним, что Ницше неоднократно демонстративно объявлял себя антихристианином, провозглашая своей главной целью уничтожение христианства и утверждение на его месте собственной религии³⁸.

Для Бахтина Христос тоже не Бог. Он пишет: «В образе идеального человека или в образе Христа представляется ему (Достоевскому. — О. С.) разрешение *идеологических* исканий. Этот образ или этот высший голос должен увенчать мир голосов, организовать и *подчинить* его. Именно образ человека и его чужой для автора голос являлся последним *идеологическим* критерием для Достоевского: не верность своим убеждениям

³⁵ Степанян 2016. С. 151.

³⁶ Там же. С. 126.

³⁷ Там же. С. 127.

³⁸ См., например: Ницше 1895.

и не верность самих убеждений, отвлеченно взятых, а именно верность авторитетному образу человека»³⁹ (курсив наш. — О. С.). Тем самым Бахтин демонстрирует классическое деистическое построение: Бог — Сам по Себе (если Он вообще есть), а Христос, как и всякий человек, — для кого-то авторитет, а для кого-то — нет. Более того, пишет Степанян, Бахтин «полагал, что из нашего мира ушел Христос <...> а потому и спорил с заповедью “возлюби ближнего, как самого себя”, утверждая, что себя любить невозможно, ибо к себе можно относиться только со стыдом или покаянием, а прощение и любовь приходят извне, от трансцендентного Бога: “нельзя любить себя, но должно любить другого”»⁴⁰. Эмансипируя человека от Бога, Бахтин дает ему право жить исключительно по собственной воле. И в результате, говорит Степанян, «в карнавале человеку предлагается совершить *узаконенное* “надъюридическое преступление”, чтобы <...> увидеть и оценить его как грех и высмеять грех»⁴¹.

Напомним, что Бахтин имел весьма широкое представление не только о христианстве, но и о гностической религиозной философии, которую энергично и целенаправленно изучал в течение многих лет, и, похоже, достиг в этом высоких степеней. В этой связи Степанян приводит «мысль американского критика и писателя Дэвида Паттерсона: “Мало кто понял в такой мере, как Михаил Бахтин, глубочайшие духовные связи, соединяющие нашу жизнь с литературой”»⁴². А поскольку мистический гностицизм монополизирует истину, отвергая всё, открытое до него, и претендует на способность открывать и объяснять духовные законы, лежащие в основе мироздания, то и христианство для Бахтина — лишь «один из множества *неподлинных* вариантов мировидения, а Христос — не Бог, а “лишь авторитетный образ человека” и “чужой для автора голос”»⁴³.

³⁹ Степанян 2016. С. 137.

⁴⁰ Там же. С. 245.

⁴¹ Там же. С. 185.

⁴² Там же. С. 127.

⁴³ Там же. С. 151.

В своем творчестве Достоевский создал целую галерею людей, стремящихся во что бы то ни стало освободиться от воли Божией, чтобы жить по собственному разумению. Похоже, об этом мечтал и Бахтин. Как всякий умный и тонко чувствующий человек, он не просто знал о существовании Бога, но постоянно ощущал Его присутствие в мире. Однако воспринимал это не как благодать, а как посягательство на свою свободу. Такое духовное состояние Достоевский показал словами Дмитрия Карамазова: «Меня Бог мучит»⁴⁴. Но если Дмитрий в конце концов делает шаг к Богу, то Бахтин — от Него. И пытается увести за собой тех, кто видит во Христе Спасителя, а в Достоевском — Его апостола: «Нам важно не христианское исповедание Достоевского само по себе, но те живые формы его идеологического мышления, которые здесь достигают своего осознания и отчетливого выражения»⁴⁵. Философ не мог не понимать того, что «идеологическое мышление» любого человека — это то, во что он верит, и что именно вера художника воплощается в «живые формы» его творчества. Не мог он не знать, как справедливо замечает Степанян, и известных слов Достоевского: «В поэзии нужна страсть, нужна *ваша* идея, и непременно указующий перст, страстно поднятый. Безразличие же и реальное воспроизведение действительности ровно ничего не стоит, а главное — ничего и не значит. Такая художественность нелепа...»⁴⁶.

В предисловии к «Проблемам творчества Достоевского» Бахтин пишет, что «революционное новаторство» писателя «в области романа как художественной формы <...> пережило его философскую и социально-политическую идеологию»⁴⁷. То, что идеологией Достоевского, определяющей все его мировоззрение, было православие — такой же факт, как и то, что никакое «новаторство» не способно его «пережить». Несомненно и то, что идеология всегда отражается в творчестве худож-

⁴⁴ Достоевский 1972–1990. Т. 15. С. 32.

⁴⁵ Бахтин 1994. С. 71.

⁴⁶ Достоевский 1972–1990. Т. 24. С. 308.

⁴⁷ Степанян 2016. С. 131, 130.

ника, образуя содержание его произведений. Очевидно, что именно идеологию Достоевского, то есть систематизированную и иерархизированную верой часть его мировоззрения, Бахтин не «мог согласиться принять». И в результате, замечает Степанян, «важнейшую часть <...> романов» Достоевского, «тончайшими нитями связанную с остальным текстом <...> Бахтин считает возможным просто не учитывать при построении своей эстетической концепции»⁴⁸.

Но в основе этой «концепции» лежит не что иное, как собственная идеология Бахтина, о содержании которой можно судить по воспоминаниям С. Г. Бочарова: «Все, что было создано за эти полвека на этой безблагодатной почве, под этим несвободным небом, все в той или иной степени порочно», — сказал он, включив сюда и своего «Достоевского». А про нас, своих новых знакомых и не совсем еще старых тогда филологах, отозвался с сомнительным одобрением: «Вы, во всяком случае, не предаете. Если вы не утверждаете, то это потому, что вы не уверены. А я вилял — туда и обратно». То есть — с нас и спроса нет, он же мог утверждать — и не утверждал, а значит “предал” <...> И далее, говоря о “порочности” конкретно в книге о Достоевском: “... разве так бы я мог ее написать? Я ведь там оторвал форму от главного. Прямо не мог говорить о главных вопросах <...> о том, чем мучился Достоевский всю жизнь — существованием Божиим. Мне ведь там приходилось все время вилять — туда и обратно <...> Даже Церковь оговаривал...”⁴⁹. Почему приходилось все время вилять и оговаривать? Кто или что заставило пойти против совести?

Отчасти ответ на этот вопрос содержится в следующих словах Степаняна: «Бахтин во второй половине жизни считал, что “человеку недодано”, а бытие “безвыходно”, то есть переоценивал человека и не верил в благой Божий замысел о мире. “Простая и просто любящая душа (писал он. —

⁴⁸ Степанян 2016. С. 131.

⁴⁹ Там же. С. 149. Мы посчитали нужным восстановить пропуски в цитате, сделанные Степаняном, по указанному им источнику: Бочаров 1999. С. 475.

К. С.), не зараженная софизмами теодицеи, в минуты абсолютного бескорыстия и непричастности поднимается до суда над миром, над бытием и виновником бытия»⁵⁰ (курсив наш. — О. С.). Исследователь оставил эту фразу без комментария, а она поражает своей, по выражению Достоевского, «непомерной» гордостью⁵¹. В ней Бахтин идет намного дальше Ивана Карамазова, отрицавшего творение, но «принимавшего» Творца, поскольку его «простая и просто любящая душа» возвышается уже не только «до суда над миром и бытием», но и над Богом, которого философ считает «виновником» своего «безвыходного» бытия, в котором ему чего-то «недодано». Теодицея же остается уделом «недоделанных пробных существ, созданных в насмешку»⁵², которым и должно помочь искусство, исполнив свою главную цель — освободить человека от чувства страха (перед миром и Богом) и надежды (на спасение и счастье)⁵³.

Эту мысль Бахтина исследователь поясняет суждением В. Л. Махлина: «Когда доверие к “сотворенному” бытию сменится недоверием, “бунтом” против Мы, как у Достоевского, тогда в творчестве самого Бахтина произойдет основная переакцентуация, — следствием ее и станет в конце 20-х годов книга о “многоголосом” романе Достоевского как художественной “модели мира”»⁵⁴. Махлин явно имеет в виду бунт Ивана Карамазова, причем пишет местоимение «Мы» с заглавной буквы, тем самым недвусмысленно указывая, что бунт героя Достоевского и бунт Бахтина направлен против Святой Троицы. Это значит, что Бахтин сознательно встал на путь богоборчества, но поскольку дотянуться до самого Бога он не мог, то ударил по тому, кто был между ним и Богом, —

⁵⁰ Степанян 2016. С. 149.

⁵¹ Писатель неоднократно использовал этот и иные эпитеты («бесовская», «демонская» гордость) для обозначения духовно-нравственного состояния своих героев. Напр., в характеристике Раскольникова (см.: Достоевский 1972–1990. Т. 7. С. 155).

⁵² Достоевский 1972–1990. Т. 14. С. 238.

⁵³ Степанян 2016. С. 151.

⁵⁴ Там же. С. 150–151.

по Достоевскому, и постарался всемерно исказить его лик точно так же, как Иван постарался исказить образ Христа в сознании брата Алексея.

В этой связи заслуживает внимания наблюдение В. Е. Ветловской, которое приводит Степанян: «Какую бы свободу он (Достоевский. — О. С.) не предоставлял герою, эта свобода всегда относительна. И какими бы глубокими идеями он его не наделял, эти идеи всегда остаются только частью еще более глубокой и всеобъемлющей системы воззрений, принадлежащей именно автору. Эта система не вмещается в узкие рамки “полифонической” концепции Бахтина, низводящей и Достоевского до уровня его персонажей. Парадоксальным образом выходит так, что, будучи переведенной из плана поэтики в план содержательный, эта концепция на самом деле заставляет писателя одобрять не все и всякие “голоса”, а только один — “голос” Ивана...»⁵⁵. А в «Преступлении...», добавляет Степанян, и «голос» Раскольникова⁵⁶. Полагаем, этот ряд можно продолжить.

Внимательно вглядываясь в бахтинский текст, исследователь находит в нем «поразительно буквальное совпадение со словами великого инквизитора!»⁵⁷. Речь идет о фразе Бахтина: «Чрезвычайно характерно *вопросание* идеального образа (как бы поступил Христос?), то есть внутренняя диалогическая установка по отношению к Нему, *не слияние с Ним, а следование за Ним*»⁵⁸. По мысли Степаняна, последние слова являются аллюзией к словам Великого инквизитора, обращенным к узнику: «Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он *за тобою* (полу жирный курсив в обоих случаях наш. — О. С.), прельщенный и плененный тобою»⁵⁹. И это очень показательно, потому что в этой сцене в мир приходит не Христос, а некто вместо Него.

⁵⁵ Степанян 2016. С. 159.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 138.

⁵⁸ Там же. С. 137–138.

⁵⁹ Достоевский 1972–1990. Т. 14. С. 232.

В. Е. Ветловская пишет, что целью Великого инквизитора было «общее счастье на материальных началах, без Христа и вопреки Христу»⁶⁰. Это значит, что такая же цель была и у Ивана, и у его господина и у Бахтина, который выступает невольным (или вольным) апологетом Ивана. Великий инквизитор, *alter ego* Ивана, говорит узнику: «И я ли скрою от тебя тайну нашу? Может быть, ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: Мы не с тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с ним, уже восемь веков...» И ты вместе с ним, и ты? — горестно воскликнул Алеша. Иван засмеялся»⁶¹. Надо полагать, тем самым бахтинским смехом.

Как известно, причиной появления сатаны стала гордость: «*В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим; под тобою подстилается червь, и черви — покров твой. Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: "взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему". Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней*»⁶². Желание полной, абсолютной свободы от мира и его Творца движет Иваном и Великом инквизитором. Более того, внутри этого желания — мечта о том, чтобы подчинить себе и Бога, и эта мечта воплощается в «поэме» Ивана: не Бог Христос управляет миром, а мир в лице церковного чиновника повелевает им⁶³.

Стремление человека к свободе — самое убедительное доказательство его несвободы. Свобода — атрибутивное, неотчуждаемое свойство людей и ангелов, но «*подлинная свобода, — пишет Степанян, — только в Боге, и ее обретают только те, чья деятельность тем или иным образом*

⁶⁰ Ветловская 2002. С. 32.

⁶¹ Достоевский 1972–1990. Т. 14. С. 234, 239.

⁶² Ис. 14, 11–15.

⁶³ Точно так же государственный чиновник, римский прокуратор, будет распоряжаться судьбой христорожденного Иешуа.

совпадает, ложится в многообразный и сложный план Божий, а остальные оказываются все-таки в рабстве у зла, сколь бы свободными себя ни мыслили»⁶⁴. Поэтому всякая попытка освободиться от Бога является не чем иным, как констатацией рабства человека какой-либо страсти, чаще всего — страсти гордыни. Степанян говорит об этом: «В черновиках к “Проблемам поэтики...” есть такая знаменательная фраза: “Черт боится согласия (примкнуть к хору) как потери своей личности”»⁶⁵. Это явная реминисценция к словам сатаны, явившегося Ивану Карамазову: «Я был при том, когда умершее на кресте Слово восходило в небо, неся на персях своих душу распятого одесную разбойника, я слышал радостные взвизги херувимов, поющих и вопиющих: “Осанна”, и громовый вопль восторга серафимов, от которого потряслось небо и всё мироздание. И вот, клянись же всем, что есть свято, я хотел примкнуть к хору и крикнуть со всеми “Осанна!” Уже слетало, уже рвалось из груди <...> я ведь, ты знаешь, очень чувствителен и художественно восприимчив. Но здравый смысл — о самое несчастное свойство моей природы! — удержал меня и тут в должных границах, и я пропустил мгновение!»⁶⁶

Столь явная связь идей некоторых образов Достоевского с идеями Бахтина, отмеченная Ветловской, Степаняном, Махлиным и др. исследователями, не может быть случайной. Полагаем, здесь имеет место довольно известный феномен, когда читатель узнает себя в образах и идеях писателя. В этом нет ничего удивительного, ведь Достоевский изображал типы, реально существовавшие в обществе. Так, в 1878 г. он писал М. Н. Каткову о центральных образах «Братьев Карамазовых»: «Совокупите все эти 4 характера, и Вы получите, хоть уменьшенное в 1000-ю долю, изображение нашей современной действительности, нашей современной интеллигентной России <...> Инквизитор. (Иван холоден) <...> Да коли такие люди есть, то как же их не описывать? Да разве

⁶⁴ Степанян 2016. С. 152–153.

⁶⁵ Там же. С. 152.

⁶⁶ Достоевский 1972–1990. Т. 15. С. 82.

их мало, оглянитесь кругом, господа, эти взрывы...»⁶⁷. С каждым днем взрывы (теракты) становились все чаще и громче, потому что все больше становилось «иванов», отрицающих мир Божий. Наконец, в 1917 г. руками «лакеев смердяковых» они разрушили старый мир до основания, чтобы затем построить новый мир на «разумных», а не Божественных началах. Но вдруг оказалось, что правят этим новым миром не они, а «инквизиторы» из Совнаркома.

Размышляя о преемственности литературной традиции европейской классики, Степанян пишет: «Цель каждого из этих великих писателей (речь идет о Сервантесе, Шекспире и Достоевском. — О. С.) — снятие маски с человека, обнаружение его неповторимого подлинного облика»⁶⁸. Бахтин же делает обратное — надевает маску и на самого Достоевского, и на его творчество. Для этого он выдвигает художественную форму его сочинений на передний план так, чтобы совершенно скрыть за ней содержание. И когда форма приобретает самоценность и самозначимость, Бахтин заявляет, что за ней вообще нет слова Достоевского, а есть только «сложность неслиянных голосов», ведущих между собой бесконечный диалог. Таким образом, замечает Г. М. Фридлендер, «утверждая полифонизм Достоевского, Бахтин в своих работах, как это ни парадоксально, крайне монологичен и дидактичен»⁶⁹.

Степанян пытается объяснить это противоречие и обращается к мысли С. С. Хоружего: «Можно догадываться, что к этой упрощенной и спорной, мягко говоря, схеме Бахтина толкали некие внутренние причины, что истоки ее скрыты где-то в судьбе мыслителя, его “персональной мифологеме”, его отношениях со своим временем и своим обстоянием»⁷⁰. В результате, пишет Степанян, «где-то в 1930—1940-х гг. в мировоззрении Бахтина, под влиянием тяжелейших исторических и личных обстоя-

⁶⁷ Достоевский 1972—1990. Т. 30. Кн. 1. С. 250—251.

⁶⁸ Степанян 2016. С. 182.

⁶⁹ Там же. С. 132.

⁷⁰ Там же. С. 178.

ятельств, обстановки в стране, произошел некий перелом, в результате которого он стал считать, что всякое торжество истины достигается только репрессиями, “железом и кровью”, неотделимо от них и от страха, что альтернативой идеологическому гнету может быть только признание множественности равноправных истин, а история человечества замкнута в земных пределах, эпохе голода и страха необходимо противопоставить земное веселье и земное благосостояние людей»⁷¹. Полагаем, что этот вывод справедлив лишь отчасти. В биографии Бахтина нет следов какого-либо мировоззренческого «перелома», напротив, его слово служит доказательством последовательности и твердости убеждений, лишь окрепших со временем.

В начале декабря 1928 г. Бахтин был арестован по делу ленинградского религиозно-философского общества «Воскресение». Первый приговор, вынесенный в конце весны 1929 г., был убийственным для человека, больного остеомиелитом, — пять лет лагерей СЛОНа. Однако в июне того же года из печати выходит монография Бахтина «Проблемы творчества Достоевского», а еще через месяц Соловецкие лагеря были заменены пятилетней ссылкой в Кустанай, что не только сохраняло жизнь и здоровье, но и давало возможность работать.

Неслучайность этих событий очевидна. Есть основания предполагать, что решающую роль в судьбе философа сыграл наркомом просвещения СССР А. В. Луначарский. На фоне коллег по Совнаркому это был блестяще образованный человек, владевший несколькими языками, хорошо разбиравшийся в искусстве, знавший философию и эстетику. Но особенно сведущ Луначарский был в вопросах традиционных и модернистских религиозных учений, за что и получил от своих товарищей прозвище «блаженный Анатолий». Партия поручила ему создание новой, советской культуры, а главное — внедрение в общественное сознание новой идеологии, основанной на атеизме и объективном материализме. Для этого было необходимо полностью разрушить фундамент старой

⁷¹ Степанян 2016. С. 150.

идеологии — православную веру, и Луначарский принимает активное участие в репрессиях против Русской Православной Церкви, борется со всеми проявлениями православия в искусстве. Одновременно он внимательно следит за различными традиционными и новыми религиозными движениями, появившимися в России в начале XX в., чтобы понять, какие из них и как именно можно использовать в борьбе против Православной Церкви.

Заметим, что «Проблемы творчества...» вышли из печати в государственном издательстве в то время, когда сам автор уже более полугодом находился под арестом по «политическому» делу. Через месяц после этого приговор был смягчен, а еще через два месяца в журнале «Новый мир» появилась рецензия Луначарского на книгу Бахтина. А. А. Нестеренко пишет по этому поводу: «Как высококультурный читатель и блестящий критик, энциклопедически образованный искусствовед, Луначарский словно ждал появления научного труда Бахтина — так стремительно, вдохновенно и радостно отозвался он на него. В этой статье-рецензии он спрессовал все свои мысли о Достоевском, высказанные за 20 лет и, сумев максимально отрешиться от идеологических пут, высоко оценил открытие своего младшего собрата по литературной и философской науке»⁷². Много позже, в предисловии ко второму изданию «Проблем поэтики Достоевского», Бахтин напишет: «Этот, данный Луначарским, генетический анализ полифонии Достоевского, безусловно, глубок и, поскольку он остается в рамках историко-генетического анализа, не вызывает серьезных сомнений»⁷³. Подобная оценка свидетельствует, как минимум, о том, что взгляды Бахтина на творчество Достоевского оказались весьма близки взглядам Луначарского. О них известно сегодня достаточно много.

В № 4 журнала «Красная новь» за 1921 г. публикуется речь Луначарского, в которой Достоевский объявляется пророком социальной

⁷² Нестеренко 1999. С. 54.

⁷³ Бахтин 1994. С. 48.

революции. Однако влияние писателя на умы читающего общества росло с каждым днем — слишком многое из того, о чем он говорил полвека назад, стало кошмарной явью. Русские люди стали обращаться к Достоевскому за ответом на вопрос о будущем России, и власть постаралась сделать всё, чтобы они нашли «единственно правильный» ответ. В 1931 г. в Гослитиздате выходит однотомник периферийных сочинений Ф. М. Достоевского с предисловием Луначарского под заголовком «Достоевский как мыслитель и художник». Здесь писатель уже представлен врагом социализма, «выразителем отсталой, разлагающейся общественной среды», и власть устами Луначарского недвусмысленно предупреждает, что советским людям нельзя «сочувствовать его переживаниям, нельзя подражать его манере»⁷⁴. Эту же мысль, но уже в качестве наставления молодым советским писателям, Луначарский повторяет в статье «Достоевский и писатели»⁷⁵. Присоединяясь к хору других «бесов»⁷⁶, он говорит о болезненности, «расщепленности сознания» Достоевского и предупреждает об опасности его таланта: «Увлечься Достоевским — это значит получить жернов на шею, который заставит вас, нырнув в омут, там и остаться. Изучить же Достоевского и понять его — это значит уметь достать до самого дна омута и потом вынырнуть из него, обогатив свой опыт и опыт общественный»⁷⁷.

С каждым днем строительства Советского государства классовая (а вместе с ней и идеологическая) борьба обострялась, и книга Бахтина оказалась в этой ситуации очень, по выражению В. И. Ленина, своевременной. Она скрывала Достоевского за пестрой круговертью бесконечного карнавала, заглушала его пророческое слово многоголосьем его персонажей, прятала его лик за уродливой маской. Но все это было лишь одним из средств достижения главной цели — навсегда

⁷⁴ Луначарский 1963. Т. 1. С. 195.

⁷⁵ Луначарский 1931.

⁷⁶ См., например: Михайловский 1882.

⁷⁷ Луначарский 1963. Т. 1. С. 198–199.

вытравить из русского сердца образ Христа. Эту «адову работу» должна была выполнить советская литература. В конце 1920-х гг. М. А. Булгаков приступает к созданию романа «Мастер и Маргарита», в котором виртуозно извращает евангельское учение и подменяет образ Христа фигурой странствующего целителя Иешуа Га-Ноцри, а Божественную Литургию — сценой бала у сатаны, воспроизводящей один из основных сатанинских обрядов.

То, что Булгаков сделал в художественном слове, Бахтин сделал в науке. Он как бы перерисовал своими красками объективную (а вместе с ней и художественную) реальность, заодно поменяв в ней все аксиологические знаки. Получившуюся *ἀντί*-реальность⁷⁸ он наложил на окружающий мир и на мир Достоевского. Об этом говорят многочисленные наблюдения Степаняна. Так, он замечает, что «именно к литургической форме стремится в своем развитии романная форма Достоевского, особенно после “Преступления и наказания” и “Идиота”, когда начал реализовываться замысел “Жития великого грешника”. Противоположность смеха, карнавала — и литургии констатировал и сам Бахтин: во время карнавала происходит “обратное пресуществление”: крови в вино⁷⁹, плоти — в еду, “небо уходит в землю” <...> “все карнавальные формы последовательно внецерковны и внерелигиозны. Они принадлежат к совершенно иной сфере бытия”»⁸⁰, то есть к сфере инферальной.

Исследователь обращает внимание и на другой бахтинский «оборотень»: «Бахтин много писал о жанре мистерии как одном из основных истоков творчества Достоевского», также связывая этот жанр с карнавальностью. В этой связи Степанян приводит замечание Б. Эйхенбаума: «Сомнительна карнавальность мистерий. Хотя в них и присутствует некий элемент комикки, правомерно ли утверждать, что их серьезность, трагический плач и “стремление ввысь” имеют карнавальную основу? На наш

⁷⁸ *ἀντί* (анти) — вместо, против (Ушаков 1939–1940).

⁷⁹ Это и происходит на балу у Воланда.

⁸⁰ Степанян 2016. С. 189–190.

взгляд, здесь скорее следует говорить о “поэтике поста”, поскольку, по мнению специалистов в области религиозной драмы, мистерия развилась из литургии Великого поста»⁸¹. Таким образом, пишет Степанян, «согласно Бахтину <...> карнавал — это “мир наизнанку”»⁸², то есть мир, аксиологически перевернутый, мир с другим духовным «знаком»⁸³.

К сожалению, самая большая и поистине дьявольская подмена осталась без внимания исследователя. Он приводит слова Бахтина из «Дополнений к Рабле»: «У Достоевского <...> каждое действие, слово, жест исполнены напряженной предельности <...> Сенная площадь, улицы — все это — арена борьбы Бога с дьяволом в душе человека; каждое слово, каждая мысль соотнесена с пределами, с адом и раем, с жизнью и смертью»⁸⁴. Кажется, что Бахтин повторяет слова Достоевского, но на самом деле он подменяет его «голос» своим. В романе «Братья Карамазовы» Дмитрий Карамазов говорит брату Алексею: «Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречья вместе живут <...> Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»⁸⁵. Тварь не может быть ни выше Творца, ни равна Ему. Поэтому Бог не борется с дьяволом — низверженным ангелом, а просто уничтожит его в установленный срок⁸⁶. Зная это, дьявол в бессильной злобе хочет хоть как-то досадить Богу, разрушая сотворенный Им мир. Думается, об этом знал и Бахтин, но продолжал оспаривать всемогущество Бога, выдавая желаемое за действительное: его дьявол борется с Богом,

⁸¹ Степанян 2016. С. 129–130.

⁸² Там же. С. 126.

⁸³ Заметим, что об этой дьявольской подмене Степанян уже писал прежде. См.: Там же. С. 29–30.

⁸⁴ Там же. С. 274.

⁸⁵ Достоевский 1972–1990. Т. 14. С. 100.

⁸⁶ См. Откр. 20, 9–10.

Который не может победить *сразу*, и поэтому борьба продолжается вечно. Нетрудно догадаться, на чьей стороне в этой борьбе сам Бахтин: поставляя дьявола впереди Бога, он как бы заранее отдает ему победу.

Степанян пишет, что «в творчестве <...> Достоевского мы имеем дело с *антикарнавалом*»⁸⁷, что «романы Достоевского — это и вообще снятие масок, но этой, главной, скрывающей Бога от человека и человека от Бога, — особенно»⁸⁸. Полагаем, это прекрасно понимал и Луначарский, для которого книга Бахтина оказалась очень своевременным подспорьем в его борьбе против православия. Нарком увидел в философе не только весьма одаренного ученого, но прежде всего единомышленника, который, в отличие от многих современников, умел выражать свои мысли ярко, энергично и очень убедительно. В результате, образ Достоевского, уже знакомый читателям как образ православного апостола и пророка, исчезал за пестрой круговертью карнавала, бесконечных диалогов и смеха всех надо всем.

Когда советская идеология окончательно утвердилась, Бахтин стал не нужен. Однако в 1960 г. он получает письмо из Института мировой литературы за подписями В. В. Кожинова, С. Г. Бочарова, Г. Д. Гачева, П. В. Палиевского и В. Д. Сквозникова. В нем выражалось признание его как ученого и предлагалось подготовить второе издание книги о Достоевском, которое и появилось в 1963 г. под названием «Проблемы поэтики Достоевского», а затем неоднократно переиздавалось огромными тиражами.

Вероятной причиной происшедшего стало то, что ветер хрущевской «оттепели» стал дуть явно не «туда», и «инженеры душ человеческих» забеспокоились. Антицерковные репрессии Н. С. Хрущева, сравнимые с репрессиями 1920-х годов (хотя и не столь явные), привели к обратному результату — росту религиозной активности, что в интеллигентской среде выразилось в возвращении к идеям русской религиозной философии.

⁸⁷ Степанян 2016. С. 191.

⁸⁸ Там же. С. 189.

Однако в 1960-х годах физически уничтожать православных людей, как это делалось в 1920-х, было уже невозможно, но и допустить возрождения религиозного сознания у советских граждан было нельзя. Здесь и понадобился Бахтин. Скорее всего, главную роль в его реабилитации сыграл Ю. В. Андропов, в те годы заведующий отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, а с 1967 г. председатель КГБ СССР.

Подводя итоги, отметим колоссальный труд, вложенный К. А. Степаняном в его книгу. Однако несомненно, что любой труд был бы тщетен, если бы не основывался на эффективной методологии. Блестяще владея эстетическим анализом текста, Степанян пользуется им только на первоначальном этапе исследования главной идеи творчества Шекспира, Достоевского и Бахтина. Он ставит и успешно решает вопрос о мировоззрении и вере этих трех мыслителей, поскольку этот вопрос является главным, системообразующим элементом их творчества. В романах Достоевского он всегда выражен прямо, у Шекспира — имплицитно, а о вере Бахтина говорят его собственные слова и свидетельства современников. По существу, речь идет о фидеистическом исследовании, в котором всегда важна личная позиция автора, и Степанян выражает ее множеством корректных обращений к учению Православной Церкви, прямыми и косвенными цитатами из Священного Писания и святоотеческой письменности. Это говорит о том, что онтологическую и гносеологическую основу исследования образует православное мировоззрение его автора, позволяющее видеть в текстах Шекспира, Достоевского и Бахтина то, что не заметно для глаз, не имеющих подобной «оптики».

Важно, что такой подход дает возможность доказать как наличие христианского содержания в литературном произведении, так и его отсутствие, а также позволяет выявить и разнообразные отклонения от христианского вероучения. Таким образом, в книге Степаняна мы находим эффективную демонстрацию возможностей христианской поэтики — литературоведческой дисциплины, изучающей принципы, формы и средства воплощения христианского содержания в литературном произведении.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахтин 1963 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. [*Bakhtin M. M.* Problemy poetiki Dostoevskogo (The problems of Dostoyevsky's poetics). Moscow, 1963.]
- Бахтин 1994 — *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. К., 1994. [*Bakhtin M. M.* Problemy tvorchestva Dostoevskogo (The problem of Dostoyevsky's work). Kiev, 1994.]
- Бахтин 1996—2012 — *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в 6 т. М., 1996—2012. [*Bakhtin M. M.* Sbranie sochinenii v 6 tomakh (Collection of works). Moscow, 1996—2012.]
- Бочаров 1999 — *Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999. [*Bocharov S. G.* Siuzhety russkoi literatury (Plotlines of Russian literature). Moscow, 1999.]
- Бочаров 2001 — *Бочаров С. Г.* О религиозной филологии // Литературоведение как проблема. Труды Научного совета «Науки о литературе в контексте наук о культуре». М., 2001. С. 483—499. [*Bocharov S. G.* O religioznoi filologii (On religious philology) // Literaturovedenie kak problema. Trudy Nauchnogo soveta “Nauki o literature v kontekste nauk o kul'ture” (Literary criticism as a problem. Proceedings of the Scientific council “The science of literature in the context of the sciences of culture”). Moscow, 2001. P. 483—499.]
- Ветловская 2002 — *Ветловская В. Е.* Теория «полифонического романа» М. М. Бахтина и этическое учение Ф. М. Достоевского // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. Материалы Международной конференции в университете Тоба (Япония) 22—25 августа 2000 года. М., 2002. С. 22—37. [*Vetlovskaya V. E.* Teoriia “polifonicheskogo romana” M. M. Bakhtina i eticheskoe uchenie F. M. Dostoevskogo (The theory of M. M. Bakhtin's polyphonic novel and the ethical doctrine of F. M. Dostoyevsky) // XXI vek glazami Dostoevskogo: perspektivy chelovechestva. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii v universitete Toba (Iaponiia) 22—25 avgusta 2000 goda (XXI century through the eyes of Dostoyevsky: the prospects of mankind. Materials of the International conference at the University of Chiba (Japan) August 22—25, 2000). Moscow, 2002. P. 22—37.]
- Достоевский 1861 — *Достоевский Ф. М.* Петербургские сновидения в стихах и прозе. СПб., 1861. [*Dostoevsky F. M.* Peterburgskie snovideniia v stikhakh i proze (Petersburg dream in verse and prose). Saint Petersburg, 1861.]
- Достоевский 1972—1990 — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972—1990. [*Dostoevsky F. M.* Polnoe sbranie sochinenii v 30 tomakh (Complete works). Leningrad, 1972—1990.]

ШЕКСПИР, БАХТИН И ДОСТОЕВСКИЙ

- Луначарский 1931 — *Луначарский А. В.* Достоевский и писатели // Литературная газета. 1931. 9 февраля. С. 1. [*Lunacharskii A. V. Dostoevskii i pisateli (Dostoevsky and writers) // Literaturnaia gazeta (Literature gazette). 1931. 9 fevralia. P. 1.*]
- Луначарский 1963 — *Луначарский А. В.* Собрание сочинений в 8 т. М., 1963. [*Lunacharsky A. V. Sobranie sochinenii v 8 tomakh (Collection of works in 8 volumes). Moscow, 1963.*]
- Михайловский 1882 — *Михайловский Н. К.* Жестокий талант. СПб., 1882. [*Mikhailovsky N. K. Zhestokii talent (Cruel talent). Saint Petersburg, 1882.*]
- Нестеренко 1999 — *Нестеренко А. А.* Луначарский читает Достоевского и Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 3. С. 33–58. [*Nesterenko A. A. Lunacharskii chitaet Dostoevskogo i Bakhtina (Lunacharsky reads Dostoevsky and Bakhtin) // Dialog. Karnaval. Khronotop (Dialogue. Carnival. Chronotop). 1999. № 3. P. 33–58.*]
- Ницше 1895 — *Ницше Ф.* Антихристианин. Проклятие христианству. СПб., 1895. [*Nietzsche F. Antikhristianin. Proklatie khristianstvu (The Anti-Christian. Decree against Christianity). Saint Petersburg, 1895.*]
- Степанян 2010 — *Степанян К. А.* Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб., 2010. [*Stepanian K. A. Iavlenie i dialog v romanakh F. M. Dostoevskogo (Appearance and dialogue in the novels of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky). Saint Petersburg, 2010.*]
- Степанян 2016 — *Степанян К. А.* Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени. М., 2016. [*Stepanian K. A. Shekspir, Bakhtin i Dostoevskii: geroi i avtory v bol'shom vremeni (Shakespeare, Bakhtin and Dostoevsky: heroes and authors of a grand time). Moscow, 2016.*]
- Толстой 1965 — *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений в 20 т. М., 1965. [*Tolstoi L. N. Sobranie sochinenii v 20 tomakh (Collection of works in 20 volumes). Moscow, 1965.*]
- Ушаков 1939–1940 — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Гл. ред. Б. М. Воллин, Д. Н. Ушаков; сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939–1940. [*Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: v 4 tomakh (Dictionary of the Russian language: in 4 volumes) / Glavnaia redaktsiia B. M. Volin, D. N. Ushakov; sostavitel' G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevskii, D. N. Ushakov; pod redaktsiei D. N. Ushakova. Moscow, 1939–1940.*]

